

КРЕСТЬЯНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В РАБОТАХ ЗЕМСКИХ СТАТИСТИКОВ (80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)

Ценным источником по аграрной истории пореформенной России являются данные земской статистики. Их комплексный анализ позволяет проследить развитие капиталистических отношений в российской деревне, процесс социального расчленения крестьянства и рост сельской буржуазии. В этом плане несомненный интерес представляют подворные переписи крестьянских хозяйств, проводившиеся в 1880-е годы в земских губерниях. Они дали богатейший материал по их социально-экономическому положению. Данные земской статистики были полнее и достовернее данных административной статистики, ими пользовались, как земские, так и правительственные учреждения. «Со стороны точности работы земских статистиков были безупречны...», – констатировал земский статистик и публицист Н.А. Благовещенский¹. В.И. Ленин, сравнивая земскую статистику с немецкой правительственной статистикой, считавшейся лучшей в Европе, писал: «Насколько правительственная немецкая статистика выше правительственной русской по широте и полноте, единобразию и точности сведений, быстроте их обработке и опубликования, – настолько наша земская статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и детализации их обработки. Русская земская статистика давно уже ввела и подворное обследование, и разнообразные групповые таблицы, и комбинационные таблицы...»².

Статистические переписи крестьянских хозяйств Самарской губернии проводились с 1882 по 1890 гг. экспедиционным способом по карточной системе. Статистики выезжали в уезды и в каждой волости на общем сельском сходе проводили опрос крестьян, предварительно внимательно изучив волостную документацию. Объектом изучения являлся отдельно взятый крестьянский двор, данные о нём заносились на отдельную карточку. Руководил статистическими работами известный земский статистик И.М. Краснопёров.

Изучая социально-экономическое положение крестьянских хозяйств, статистики констатировали, что преобладающей формой владения землёй является общинное землевладение. Так, в Бугурусланском уезде «всё крестьянское население поселено в 402 общинах, расположенных в 52 волостях», при этом в 393 общинах «крестьяне пользуются землёй по принципу общинного землевладения, в 4 общинах придерживаются смешанной формы землевладения, занимающей среднее место между общинным и подворным землевладением и, наконец, в 1 общине владеют землёй на четвертом праве»³. Землевладение у крестьян Ставропольского уезда «в большинстве случаев общинное или мицкое. Общества с общинным землевладением зарегистрировано нами [земскими статистиками – С.Л.]

240, с подворно-наследственным – 12, с землевладением на четвертом праве – 10, обществ личных собственников – 4»⁴. Всего же по губернии из 2278 крестьянских общин «в 2101 общине существует общинная форма землевладения, в 166 – подворная и наконец в 11 общинах четвертное землевладение»⁵. Более того, некоторые крестьянские хозяйства переходили от подворного землевладения к общинному. Согласно проведённым земскими статистиками исследованиям в Ставропольском уезде «из 10 крестьянских обществ, получивших землю в начале 60-х годов в подворное владение, пять перешли почти совсем к общинному...», в Бугурусланском уезде «в 16 общинах, поселившихся на купчих землях, первоначально было введено подворное землевладение, но десять из них вследствии перешли к общинному», в Бузулукском уезде 17 селений Юшурган-Табынской волости «в силу простого удобства перешли общинному землевладению с периодическими переделами и перевёрстками»⁶.

Земские статистические работы показали тяжёлое положение крестьянского хозяйства губернии, разложение сельской общины, процесс, с одной стороны, пролетаризации крестьянства, с другой – формирование сельской буржуазии. На основе собранного и обработанного земскими статистиками обширного материала о положении крестьянского хозяйства Ставропольского уезда, губернская управа составила, своего рода, аналитическую записку для губернатора, в которой, в частности, говорится: «Статистическим исследованием крестьянского хозяйства констатирован факт разрушения крестьянской поземельной общины, выразившийся в про-даже отдельными лицами из крестьян и группами обществ более 100 земельных наделов и частей их, как своим однообщественникам, так равно и сторонним лицам, не принадлежащим к крестьянско-му сословию, что влечёт за собой с одной стороны обезземеление слабосильных хозяйств, а с другой – сосредоточение земельных наделов в руках за-житочных домохозяев. Раз начавшийся процесс обезземеления слабосильных домохозяев не останется на единичных случаях, а грозит в будущем усилиться ещё более вследствие неблагоприятных экономических условий»⁷. «Крестьяне, – констатируется в отчётом докладе самарской губернской земской управы губернскому земскому собранию, – обессилили в массе, многие бросают свои земли вследствие убыточности хозяйства, передают их в руки богатеев-кулаков и купцов путём ли сдачи их в долгосрочную аренду или путём заклада надельных земель за деньги и хлеб.<...>. По земско-статистическим исследованиям обезземеление и забрасывание хозяйств в крестьянском населении идёт в ужа-сающей прогрессии»⁸.

Справедливости ради, следует отметить, что процесс разложения крестьянской общины под воздействием проникавших в неё капиталистических отношений констатировали земские статистики, проводившие переписи крестьянских и в других губерниях. Например, руководитель тверской земской статистики В.И. Покровский, проводя перепись крестьянских хозяйств губернии, пришёл к выводу, что «крестьянское население не представляет собою однородной по благосостоянию массы, но распадается на несколько групп»⁹.

Самарские статистики выделили следующие причины, негативно воздействовавшие на крестьянские хозяйства губернии: «противообщинное» законодательство и увеличение срока коренных переделов, а в ряде общин и полное их прекращение.

Под «противообщинным» законодательством подразумевалась, прежде всего, 165-я статья «Положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной осёдлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий». «До уплаты выкупной ссуды, – говорится в статье, – выдел участков отдельным домохозяевам, из земли, приобретённой обществом, допускается не иначе, как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесёт в Уездное Казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок, по возможности к одному месту, по усмотрению самого общества, а впредь до выдела, крестьянин продолжает пользоваться приобретённою им частью земли в составе мирского надела, без взноса выкупных платежей»¹⁰.

Прямыми следствием действия данной статьи стали выкупные операции, – покупка состоятельными землевладельцами, зажиточными крестьянами-общинниками земельных участков у общины и оформление их в частную собственность. По мнению большинства земских статистиков, выкуп и перевод общинных земель в частную собственность менял, в значительной степени, психологию крестьянина-общинника. «Таким образом, – писал об этом руководитель саратовской земской статистики Л.С. Личков, – прежний взгляд на землю, как на ничью, Божью землю, под влиянием выкупа, быстро улетучивается, Права личного собственника на землю, эгоизм частного собственника, если можно так выразиться, выступают на первый план...»¹¹.

Большая часть выкупленных наделов либо сдавалась новыми владельцами в аренду, либо использовались не по назначению. «Многие из собственников, – писал исследователь крестьянского хозяйства В.С. Пругавин, – выкупали свои наделы с целями чисто спекулятивными и вызывали активный протест со стороны крестьянских обществ»¹². Например, в селе Смышляевка Алексеевской волости Самарской губернии купцами было выкуплено у общины 8 крестьянских наделов, на которых построено 7 кабаков и трактиров. В селе Мордов-

ские Липяги Самарской губернии на выкупленных неким купцом «Н» у крестьянина Ивана Тагаева двух наделах был также построен кабак, который функционировал целых 10 лет. Экономист и публицист В.В. Бирюкович, анализируя данные земских статистических переписей по Самарской губернии, пришёл к выводу, что «выкупали наделы по преимуществу купцы для устройства на приобретённых землях кабаков»¹³. Нередко община сдавала земли в аренду зажиточным крестьянам с целью покрытия недоимок. По мнению И.М. Краснопёрова, выкуп общинных земель со спекулятивными целями зависел в определённой степени от позиции «крестьянского мира». Например, мордовская община Бугульминского уезда Самарской губернии «никогда не выделяет общинных земель для сдачи в аренду кулакам с целью покрытия доходами с них разных мирских платежей»¹⁴.

Самарские статистики констатировали ежегодное увеличение количества выкупаемых в частную собственность общинных земельных наделов. «В Самарской губернии количество выкупленной по 165 статье земли достигает также довольно крупных размеров, и – что особенно важно, – стремление отдельных домохозяев выкупить свои наделы с году на год усиливается», – подчёркивал В.С. Пругавин¹⁵. По его подсчётам, общее количество выкупленных общинных земель в губернии «равняется в настоящее время [на 1888 год – С.Л.] 12209 десятин, из них 10887 десятин приходится на долю бывших удельных крестьян и всего лишь 1322 десятины на долю бывших помещичьих крестьян. Эти земли выкуплены 703 домохозяевами, внесшими ссуду за 1769 душевых наделов»¹⁶.

Самарское губернское земское собрание, обеспокоенное участвующими случаями продажи земельных общинных наделов в частную собственность, даже обратилось к губернатору с просьбой «не отказать войти с ходатайством к правительству о том, чтобы последнее путём законодательных мер запретило крестьянским обществам и отдельным лицам, владеющими землёй на общинном праве, так или иначе, отчуждать земельные наделы и части их в личную вечную собственность», а также «не дозволять выкуп и продажу наделов крестьянам других обществ, или сторонним лицам, не причисленным к данному крестьянскому обществу»¹⁷.

Другим важным фактором, оказывавшим разрушающее воздействие на крестьянское хозяйство, земские статистики считали уменьшение или отсутствие коренных переделов общинных земель, в которых видели залог успешного развития крестьянского общинного землепользования и прочности отношений между всеми членами общины. «Коренной же передел, – это центр тяжести общинной формы землевладения, – пояснял Л.С. Личков, – в нём главная выгода общинников; не будь его – не будет и надежды на уравнительность в распределении земли и прежняя уравнительность заменится страшною неравномерностью, безземелием, быстрым обнищанием многих семей»¹⁸.

Земские статистики выделяли два типа коренных переделов – общий и частный. Общий передел позволял установить более или менее равное соотношение между размерами крестьянских земельных наделов и их количественным составом. Частный передел устанавливал соответствие между численностью всего лишь нескольких семей общины и размерами из земельных участков. Подворные переписи крестьянских хозяйств Самарской губернии показали отчётливо прослеживавшуюся тенденцию к прекращению переделов. Так, из 290 общин Николаевского уезда коренные переделы «в последнее пятилетие» произошли только в 31 общине, что составило лишь 11% от числа всех общин уезда¹⁹. В Бузулукском, Самарском, Ставропольском уездах земские статистики не встретили ни одной общины, «где бы коренной передел земли имел место». Всего же по губернии общины, в которых состоялись коренные переделы земель составили всего 13,8 % от всех общин, что свидетельствовало о стремлении зажиточных крестьян сохранить за собой наиболее плодородные земельные участки.

Социальная дифференциация крестьянской общины таила в себе, по мнению земских статистиков, угрозу общественной безопасности. Полтавский статистик И.Я. Анисимов утверждал, что с увеличением численности наёмных работников, которыми в массе своей становились продавшие свои земельные участки крестьяне-общинники, «растут и те беспокойные элементы, которые обыкновенно являются впоследствии предметом стольких забот и тревог для правительства и общества...»²⁰. По мнению Л.С. Личкова, именно крестьянская община «представляет одну из важнейших гарантий против «беспокойных» общественных элементов, препятствующих мирному развитию общества»²¹. Самарские статистики установили, что «до 20 % крестьянского населения в губернии составляют пролетарии и бобыли»²².

Не лучше обстояли дела у самарских крестьян и со скотоводством. «Сравнивая, – писал И.М. Краснопёров, – между собой данные о скотоводстве 1867 г. с данными восьмидесятых годов, в течение которых местным земским статистическим бюро было произведено исследование губернии, мы видим, что общее количество лошадей значительно уменьшилось за этот период времени: в 1867 году их приходилось на крестьянский двор по 3,2 головы, в 1885 году – 2,7; овец приходилось по 7,1 голов, в 1885 году – по 6,3»²³. Одной из главных причин уменьшения поголовья скота земские статистики считал недостаточную обеспеченность крестьянских хозяйств выгонами, пастбищами и сенокосными угодьями. «Повсюду в губернии крестьянское население терпит большой недостаток в пастбищных и сенокосных угодьях...», – подчёркивали статистики, из-за чего «корова в крестьянском хозяйстве не имеет почти никакого значения и держится единственно для молока», а свиноводство «нигде в губернии не могло подняться до особой отрасли промышленности, главным образом вследствие по-

ложительного недостатка в пастбищах. Во многих общинах поэтому свиней даже совсем перевели»²⁴. Другой, не менее значимой, причиной уменьшения численности скота в губернии была его продажа в неурожайные годы. Так, неурожай 1888 и 1889 годов вынудили крестьян Николаевского и Новоузенского уездов распродать всех овец и большую часть крупного рогатого скота. Но, пожалуй, наибольший урон скотоводству нанёс неурожай 1879-1880 годов. Г.В. Плеханов, анализируя данные земской статистики, пришёл к выводу, что этот неурожайный год «сильно подорвал экономическое благосостояние крестьян, тем более, что распространившиеся с этого момента эпизоотии и конокрадство значительно уменьшили рабочий и рогатый скот в губернии: за последнее пятилетие эпизоотии похитили в губернии 536244 головы крупного рогатого скота... В одном Новоузенском уезде, по сведениям уездной управы, от одной бескорыщицы пало 58500 лошадей и 90000олов»²⁵. Повсеместным явлением оставался падёж скота от болезней. Овцеводству большой урон наносили волки. По мнению земских статистиков, в одном только Бугурусланском уезде число похищенных волками овец следует считать «целыми тысячами». Мелкий скот содержали, как «резерв» на случай неурожая.

Вспомогательное, по сравнению с земледелием, значение в Самарской губернии, согласно земским статистическим исследованиям, имели и неземледельческие занятия. Например, в Самарском уезде неземледельческими промыслами было занято всего лишь 8 % населения, в Ставропольском уезде промыслов «встречается больше, чем например, в Самарском уезде, но, всё же, они имеют здесь совершенно второстепенное значение, и нет ни одного селения в уезде, которого хозяева по преимуществу занимались бы каким-нибудь промыслом, так что главным, почти единственным источником, обеспечивающим населению средства существования и лежащие на нём платежи, является земля»²⁶. Не получили широкого распространения кустарные промыслы и в других уездах губернии, за исключением Бугурусланского. Здесь «промышленами, имеющими ремесленный характер» занималась значительная часть крестьян. Преобладали такие виды кустарного производства, как плотницкий, шерстобитный, горшечный, деревообрабатывающий, рогожный, а также выделка колёс и выжигание известки.

Торговля среди самарских крестьян, по наблюдениям земских статистиков, «как занятие, требующее довольно большого капитала, привлекает к себе лишь не многих крестьян, скопивших какими-нибудь судьбами несколько десятков рублей»²⁷.

Данные земской статистики стали наиболее объективными и достоверными материалами по социально-экономическому положению крестьянских хозяйств Самарской губернии. Ими в одинаковой степени пользовались, как земства, губернское и уездное, так и губернская администрация. К работам самарских статистиков обращались и частные лица – экономисты, агрономы, публицисты,

общественные деятели. Писатель Г.И. Успенский, например, использовал исследования самарских статистиков при написании некоторых своих публицистических очерков, констатировав при этом, что в статистических работах наглядно представлен процесс разорения самарского крестьянства. «В трудах ревностного деятеля Самарского статистического бюро И.К. [ошибочно, правильно «М – С.Л.] Краснопёрова, – писал Г.И. Успенский, – <...> мы имеем историю постепенного истощения самарского крестьянства, поучительную в том отношении, что выясненные в исследованиях И.К. Краснопёрова причины истощения хозяйств дают объяснения и общего недомогания и обеднения во всём крестьянском населении»²⁸.

Думается, не будет значительным преувеличением считать материалы земской статистики важнейшей группой массовых источников по социальному-экономическому развитию сельского хозяйства России пореформенного периода.

Примечания:

¹ Благовещенский Н.А. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1894. № 8. С. 830.

² Ленин В.И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Полн. собр. соч. Т. 5. С. 213, примеч.

³ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 4: Бугурусланский уезд. Самара, 1886. С. 17, 20.

⁴ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 2: Ставропольский уезд. М., 1884. С. 30.

⁵ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Вып. 1 / под ред. И.М. Краснопёрова. Самара, 1892. С. 21.

⁶ Краснопёров И. Современная крестьянская община // Северный вестник. 1893. № 10. С. 19.

⁷ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 5. Оп. 9. Д. 195. Л. 146 об.

⁸ Там же. Оп. 19. Д. 1697. Л. 31 об.

⁹ Историко-статистическое описание Тверской губернии, составленное В.И. Покровским. Тверь, 1879. Т. 2. Вып. 1. С. 23-24.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. СПб., 1863. Т. XXXVI. Отдел I (1861 г.). № 36659. Отд. I. С. 200.

¹¹ Личков Л.С. Выкупная операция как разрушитель общины // Дело. 1881. № 11. С. 114.

¹² Пругавин В.С. Русская земельная община в трудах её местных исследователей. М., 1888. С. 107.

¹³ Бирюкович В.В. Самарская губерния в руках её земских статистиков // Северный вестник. 1886. № 2. С. 196.

¹⁴ Краснопёров И.М. Мордовская община в Бугульминском уезде // Северный вестник. 1887. № 1. С. 66-67.

¹⁵ Пругавин В.С. Указ. соч. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 19. Д. 1697. Л. 32 об., 33.

¹⁸ Личков Л.С. К вопросу о разложении поземельной общины // Юридический вестник. 1886. Т. XXI. Кн. 4. С. 722.

¹⁹ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 6: Николаевский уезд. Самара, 1889. С. 28.

²⁰ Анисимов И.Я. Разложение нашей земельной общины // Вестник Европы. 1885. № 1. С. 116.

²¹ Личков Л.С. К вопросу о разложении поземельной общины. С. 725. «Беспокойные общественные элементы» И.М. Краснопёров назвал пролетариатом, «шляющимся на стороне», имея в виду, как наем безземельных крестьян на сезонные работы в другие губернии, так и распространённое среди них бродяжничество. (Краснопёров И.М. Крестьянские платежи и недоимки в Бузулукском уезде // Юридический вестник. 1886. Т. XXIII. Кн. 2. № 10. С. 275).

²² ЦГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 195. Л. 146 об.

²³ Краснопёров И.М. Самарский голод и его причины // Юридический вестник. 1892. Т. X. Кн. 3. С. 452.

²⁴ Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 8. Вып. 1. С. 48, 53.

²⁵ Плеханов Г.В. Всероссийское разорение // Сочинения. М.; Пг., 1923. Т. III. С. 342-343.

²⁶ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 2: Ставропольский уезд. С. 125.

²⁷ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. 4: Бугурусланский уезд. С. 87.

²⁸ Успенский Г.И. Правила Самарского земства // Русское богатство. 1892. № 3. С. 235.